

— Не на рабочий, — Цзи Шаотин не осмелился бы потревожить Ли Чэня на его рабочем телефоне.

Ли Чэнь каждый день получал огромное количество сообщений, поэтому у него был отдельный личный номер для личных дел, но таких дел было мало, ограничиваясь в основном матерью и Цзи Шаотином.

Возможно, Цзи Шаотин действительно был привязан, но не к Ли Чэню. Он редко, почти никогда, не писал ему сообщений.

Это был единственный раз, и Ли Чэнь пропустил его.

— Я не смотрел, — сказал Ли Чэнь. — Ты никогда мне не пишешь, поэтому я и не посмотрел.

Значит, это все равно моя вина, подумал Цзи Шаотин, виноват, что никогда не пишу.

Он уже понял: господин Ли никогда не ошибается, все ошибки всегда его собственные.

Цзи Шаотин опустил голову и сказал:

— Простите.

Все отношения взаимосвязаны, и чем больше Цзи Шаотин уступал, тем больше Ли Чэнь позволял себе.

Он не считал, что Цзи Шаотин сделал что-то неправильное, но раз тот извинился, Ли Чэнь, казалось, закономерно стал тем, кто прощает. Поэтому он сказал:

— Ладно, на этот раз прощаю, но впредь, пока не получишь моего ответа, не выходи из дома без разрешения.

Вернувшись из больницы, поужинав и закончив с домашними делами, Цзи Шаотин лег в постель, чувствуя, что после всей этой суматохи он полностью выдохся. Телефон не умолкал, он знал, что звонит его брат, но не хотел отвечать.

Двадцать шесть лет, расцвет сил, столько всего еще не сделано, а дни текли, не видя конца, без разницы между днем и ночью.

Цзи Линьчжан позвонил дважды, но потом, понимая ситуацию, перестал настаивать. Цзи Шаотин чувствовал себя мрачно, тело было тяжелым, он даже отказался от умывания, последние силы ушли на то, чтобы выключить свет. Шторы, выбранные Ли Чэнем, были очень плотными, и, как только свет погас, его окутала непроглядная тьма, даже слабый луч света исчез.

В полусне он услышал, как кто-то зовет его по имени.

Но на втором слове голос оборвался, это было резкое «Цзи Шао—», а затем пауза, и «Тинтин», пробное.

Нежное прикосновение прошло по его виску, и Цзи Шаотин услышал, как кто-то серьезно произнес «Тинтин», слишком старательно выговаривая каждый слог, что выглядело странно, лишая ласкового обращения теплоты, но и не было формальным, превращаясь в нечто среднее.

Он открыл глаза и увидел, как человек поднимается с края кровати. В комнате все еще было

темно, только открытая дверь пропускала свет из коридора, и в высоком силуэте Ли Чэня оставалось лишь размытое лицо. Цзи Шаотин смотрел на него, пытаясь понять, кто это и почему он с ним.

— Вставай, — сказал Ли Чэнь. — Как можно спать, не переодевшись?

Затем зажегся свет, яркий, как иглы, заставив Цзи Шаотина тут же закрыть глаза.

Ли Чэнь услышал его болезненный вздох и быстро выключил свет. Темнота снова окутала комнату, и Цзи Шаотин на мгновение потерял ориентацию, не понимая, в свете он или в темноте. Ему вдруг стало смешно, он сел и сам включил свет, затем его взгляд упал на аккуратно сложенный темно-коричневый свитер на тумбочке.

Он поднял глаза на Ли Чэня.

— Осень, — Ли Чэнь, казалось, все еще был растерян из-за того, что случайно включил свет и ослепил Цзи Шаотина, его голос звучал торопливо. — Ты сегодня вышел в одной футболке, это неправильно.

Он чувствовал, как его сердце сжимается, он указал на свитер и жестко приказал:

— Надень, ты не должен мерзнуть.

Это был Ли Чэнь, подумал Цзи Шаотин, но кто же он на самом деле?

Он мог быть строгим, мог быть нежным, мог спокойно разбираться с абсурдными ситуациями, а мог растерянно дарить обычные знаки внимания. Он был смесью противоречий, и Цзи Шаотин чувствовал себя запутавшимся, боялся его, уважал, но и испытывал неприязнь.

— Господин Ли, вы специально купили это для меня?

Ли Чэнь не ответил прямо, он просто сказал:

— Это не самое лучшее, в другой раз свожу тебя заказать несколько пальто.

Цзи Шаотин улыбнулся и сказал спасибо. Ли Чэнь ответил «не за что», все еще стоя на месте. Цзи Шаотин чувствовал, что знает, чего он ждет, и сказал:

— Все, что вы для меня выбираете, всегда идеально подходит.

— Нет, — упрямо сказал Ли Чэнь. — Надень, я хочу посмотреть.

Цзи Шаотин взял мягкую ткань свитера, и, возможно, из-за подарка, или из-за короткого сна, или из-за этой детской непосредственности, которую Ли Чэнь невольно проявил, его подавленность немного рассеялась.

Боялся его, уважал, испытывал неприязнь.

А сейчас он показался ему милым.

Цзи Шаотин позвонил брату только на третий день. Цзи Линьчжан без предисловий сразу перешел к делу:

— Как он к тебе относится, говори правду, больше не ври.

Цзи Шаотин смутился, не решаясь говорить, но Цзи Линьчжан, услышав это молчание, вытащил правду на поверхность:

— Мужчины боятся измен, и я понимаю его чрезмерную реакцию. Но я хочу спросить тебя, Цзи Шаотин, ты боишься Ли Чэня? Он тебя обижает?

— Нет, нет! — поспешно ответил Цзи Шаотин. — Позавчера он купил мне одежду.

— Тогда почему ты его так боишься?

Цзи Шаотин хотел снова сказать «нет», но услышал вздох на другом конце провода:

— Я знаю твою реакцию на испуг, ты сразу выключаешься.

Цзи Шаотин наконец заколебался:

— Я боюсь его, он... как бы это сказать, он просто не тот тип людей, с кем я бы хотел дружить. Слишком высокомерный, с ним трудно общаться, и он еще моя благодетель, поэтому я чувствую, что все мои ошибки. Позавчерашний инцидент был просто недоразумением, но я чувствовал себя виноватым.

Ли Чэнь умел заставить тебя чувствовать, что ты всегда неправ. Цзи Шаотин мягко потер виски и вздохнул:

— Он слишком успешен, я никогда не смогу накопить даже тысячной доли его состояния. Брат, когда ты тоже поднимешься в списке богачей, у меня появится уверенность перед господином Ли.

Последнее было шуткой, он пытался скрыть настоящий страх, оставив его в тени. У Цзи Шаотина было много друзей из так называемого высшего общества, но никто из них не вызывал у него такого давления. Личность Ли Чэня была не главной проблемой, в конечном счете, настоящий страх вызывали его двусмысленные чувства.

Настолько страшные, что Цзи Шаотин даже не осмеливался разобраться в них, дать им определение. Он не боялся, что Ли Чэнь не сможет дать ему любовь, он боялся, что Ли Чэнь даст слишком много. Само существование Ли Чэня было тяжелым, и его любовь была как дикий зверь, даже проявление заботы выражалось через контроль и приказы.

Этот разговор не привел к какому-либо выводу, Цзи Линьчжан только сказал, что через несколько дней приедет с родителями в Наньюнь на ужин и привезет несколько зимних вещей. Цзи Шаотин бережно относился к своим вещам, и одно пальто мог носить много лет, но, к удивлению Цзи Линьчжана, он отказался от его помощи, сказав, что Ли Чэнь скоро повезет его заказывать одежду:

— Он хочет, чтобы все было сшито на заказ. Видишь, у богатых даже вкус должен быть на вершине.

Цзи Линьчжан на мгновение задумался и спросил:

— Он часто покупает тебе одежду?

— Можно сказать так, — Цзи Шаотин был в замешательстве. — Может, мне стоит сказать ему, что я против быстрой моды? — Ах, ладно, у меня нет на это смелости.

Цзи Линьчжан не продолжил тему, он попросил Цзи Шаотина беречь себя и повесил трубку.

Ужин состоялся через неделю, и за эту неделю температура резко упала. Пальто Цзи Шаотина еще не было готово, и, выйдя на улицу, он сразу же замерз, дрожа от холода, запирая дверь, и, залезая в машину, с удивлением заметил:

— Этот южный климат, как резко похолодало... А? Господин Ли?

Ли Чэнь, держа руку Цзи Шаотина, задумчиво ответил:

— Действительно, холодно.

Цзи Шаотин хотел вытащить руку, но боялся разозлить Ли Чэня, поэтому оставил ее. Рука Ли Чэня была теплой, кожа грубой, а ладонь широкой и сильной, Цзи Шаотин даже подумал, что, если Ли Чэнь сожмет крепче, его кости могут сломаться.

К счастью, Ли Чэнь не задерживал его руку надолго, и вскоре обе руки снова легли на руль.

Но, выходя из машины, он сделал то, что застало Цзи Шаотина врасплох: он снял свой пиджак и накинул его на него. Цзи Шаотин смотрел на него с недоумением, хотя это был всего лишь пиджак, он казался таким тяжелым, что давил на него.

<http://bllate.org/book/16306/1470680>